

Ярость в груди

Во многих странах Африки молодежь выходит на улицы. Но говорить об «Африканской весне» рано.

В Африке все гремит. В Сенегале после протестов и последующих выборов к власти приходит президент-миллениал, который еще несколько недель назад был политическим заключенным. В Кении уличные протесты, организованные студентами (поколением Z), привели к отставке Кабинета министров и отмене повышения налогов. В Нигерии и Уганде тоже происходят протесты, которые сдерживают большие контингенты сил безопасности, а правительство Зимбабве превентивно сажает выдающихся представителей гражданского общества. Люди явно возмущены.

Протесты в Африке, от Судана до ЮАР, уже несколько лет происходят регулярно. Но сейчас их частота заметно возросла. Характеристика протестов как явления поколения Z не учитывает многих разногласий, но на континенте, где средний возраст тех, кто руководит, – далеко за 60 лет, а тех, кем руководят, – до 19 лет, такая самоидентификация протестующих как представителей поколения Z не случайна. Недавние опросы свидетельствуют о все более сильном разочаровании среди молодежи: хотя две трети людей в Африке считают демократию единственной легитимной формой правления, приверженность к партиям и явка на выборы среди молодежи снижается. Если власть не обеспечивает демократическую прозрачность, приобретают популярность радикальные альтернативы. По всей Африке выросла поддержка идеи вмешательства вооруженных сил в случае злоупотребления властью, особенно среди молодежи. Это означает рост вероятности протестов и снижение приверженности к партиям. Демократия по-прежнему является целью, а перевороты многие рассматривают как попытки спасти дисфункциональные демократии.

Однако 2024-й, в отличие от прошлого года, вряд ли станет годом переворотов в Африке. Пока что это год выборов и протестов. Это хорошая новость. Начало следующих протестов трудно предсказать, но успехи в Сенегале и Кении вдохновляют людей в Нигерии и Уганде (с их же слов). Так же успешные студенческие протесты в

Бангладеш воспринимаются в Зимбабве. Люди вдохновляют друг друга. Но говорить об *African Spring* пока рано, в частности потому, что недавние протесты произошли в странах с относительно свободными выборами, таких как Кения и Нигерия. То есть там, как и в Сенегале, до сих пор возможны изменения через избирательные урны. Впрочем, распространение протестов на другие страны вполне вероятно.

Более 20 стран континента сейчас в долговом кризисе

Основной причиной протестов является отсутствие возможностей для социальной интеграции. Молодые люди не верят, что политики, которые сейчас у власти, создадут надлежащие условия. Ежегодно до 12 млн новых искателей работы выходят на африканские рынки труда, где есть только 3 млн рабочих мест. Большинство может заработать хоть что-то только в так называемом неформальном секторе. Долговой кризис и инфляция, вызванные пандемией, агрессивной войной России и повышением процентных ставок на Западе, означают для Африки новый круг жесткой экономии бюджета, при этом большинство не получит прибыли от проектов, профинансированных за счет этих долгов. Более 20 стран континента сейчас в долговом кризисе. Поэтому некоторые правительства срочно нуждаются в помощи Международного валютного фонда, в частности из-за того, что кредиты от Китая с 2016 года только уменьшаются, а процентные ставки по государственным облигациям в западных валютах являются слишком высокими. Но МВФ предоставляет экстренную помощь только в обмен на выполнение определенных условий. Например, он традиционно требует повышения налоговых поступлений. Тем не менее из-за недостатка рабочих мест, подлежащих налогообложению, правительства, чтобы обслуживать долг, будут вынуждены прибегнуть к налогообложению собственных привилегий или

повседневного потребления, или к уменьшению субсидий на товары повседневного потребления. Такие регрессивные меры, которые особенно сильно бьют по малообеспеченным слоям населения, выбрало правительство Кении, которое теперь тратит больше денег на обслуживание долга, чем на здравоохранение или образование. Именно это вызвало недавние протесты, основой для которых является более широкое структурное недовольство.

В частности, общественные услуги в африканских городах, которые разрастаются, сейчас часто хуже, чем были до пандемии. Инфляция и так была высокой, а сейчас, например, в Нигерии она почти достигла 40 процентов. Теперь к ней добавятся новые налоги. Такую экономическую политику считают угрозой для качества повседневной жизни и в результате – для будущего целого поколения. Из-за стремительной урбанизации многие люди на континенте сейчас живут «дверь в дверь» – или аккаунт в аккаунт – в неформальных поселениях. Они видят, что другие чувствуют себя так же. Их слишком много для того, чтобы их можно было удовлетворить предвыборными подарками.

Протесты также свидетельствуют об абсолютном провале 40-летней политики стимулирования предложения

Кроме того, протесты свидетельствуют об абсолютном провале 40-летней политики стимулирования предложения, то есть попытки обеспечить экономический рост и рабочие места путем улучшения экономических рамочных условий. Определенная часть вины за это лежит на Западе. После холодной войны большинство африканских стран ввели демократию, но сделали это во время долговых кризисов, которые распространялись по континенту с 1980-х годов. Тогда их вызвало повышение процентных ставок на Западе, реакцией на которое – по рекомендации МВФ, где влияние имеют прежде всего западные страны, – стала политика жесткой экономии. То есть «конец истории» много где в Африке начался демократически, но при таких условиях,

которые означали дерегуляцию экономики, сокращение социального обеспечения и уменьшение возможностей для трудоустройства.

Даже после этого в экономических проблемах в Африке обвиняли прежде всего сторону предложения. В 1990-х годах многие «западные государства-доноры», Всемирный банк и МВФ считали либерализацию торговли, *Good Governance*, а впоследствии профессиональную подготовку решающими факторами экономического восстановления. Именно на них ориентировалось сотрудничество. Идея заключалась в том, что если африканские страны смогут «предложить» свободные рынки, *Good Governance* и качественную рабочую силу, ситуация улучшится. Отсутствие «развития», таким образом, в первую очередь понимали как недостаток квалификации (решение: поддержка профессиональной подготовки), мотивации и, как следствие, эффективности власти имущих (решение: советы по эффективному управлению) и иностранного капитала (решение: устранение торговых барьеров и стимулы для прямых инвестиций). Это не сработало. С 1990 года доход на душу населения во всей Африке вырос всего на один процент. Некоторые из бывших лидеров в сфере *Good Governance* теперь являются автократиями, которые дестабилизируют целые регионы. А в нынешней фазе высоких процентных ставок в США и Европе капитал почти не поступает в Африку, скорее наоборот, движется в обратном направлении.

*С 2000 года удвоилась
доля африканцев,
имеющих высшее
образование*

По меньшей мере один положительный результат все же есть: с 2000 года удвоилась доля африканцев, имеющих высшее образование. Однако они не могут найти работу и теперь встают против правительств близких партнеров Запада, таких как Кения и Нигерия. Некоторых обозревателей удивляет, что протестующие в Кении выступают против МВФ, но их не возмущают долги перед Китаем. Но это не удивительно, учитывая данные опросов по всей Африке: Китайская Народная Республика более популярна в Африке, чем европейские страны, и на нее, в отличие от МВФ, не обижаются из-за условий. Зато успехи экономической и социальной политики Китая (а также Бразилии), направленной

на защиту рынка и усиление спроса, вызывают восхищение, а экономические советы Запада обычно отвергаются.

Хорошая новость: дети родителей, которые в 1980-е и 1990-е пережили политическую либерализацию и одновременно трудности, ищут демократические формы для выражения своего недовольства. Протестующие прямо ссылаются на демократические конституции или невыполненные предвыборные обещания – там, где таковые существуют. Китайское однопартийное государство для них не образец и не кумир. Россия, кстати, тоже. Но они потеряли веру в то, что политики, которые сейчас у власти и ответственны за скоординированную с Западом политику предложения, могут стать двигателем изменений и способствовать экономической и социальной интеграции представителей поколения Z. Во многих политических экономиках континента экономическое перераспределение или налогообложение финансовых оттоков в офшоры – это предлагают профсоюзы и гражданское общество – может привести к распаду существующих правительственных альянсов. Именно коррупция является тем клеем, который держит их вместе. Отсюда же массовые требования отставки, например *#RutoMustGo* в Кении.

Что можно сделать сейчас? Даже если интересы Европы сейчас тесно связаны с некоторыми из тех правительств, на которые давят, диалог с протестующими имеет смысл, хотя бы потому, что некоторые из них могут взять политическую ответственность на себя (см. Сенегал). Именно к этому решительно призвали участники африканских протестных движений во время недавнего визита в Берлин. Окончательно терять их доверие нельзя. Но более насущной задачей для G7 и ЕС является более заметная реакция на провал 40-летней политики стимулирования предложения в Африке. Это означает расширение проложенного немецкой политикой развития пути к общей глобальной структурной политике по всей Европе и удовлетворение стремления к экономическому суверенитету. Для этого необходимо быстрее реформировать управление долгами. Если мы хотим иметь доверие и партнеров в Африке, решающее значение имеют дальнейшие проекты стимуляции экономического спроса. Это предполагает изменение всей парадигмы европейского сотрудничества (в сфере развития) с Африкой: от помощи в увеличении объемов переработки и создании качественных рабочих мест одновременно с социально справедливым энергетическим переходом до создания африканской зоны свободной торговли для защиты рынка. Если Европа хочет, чтобы ей было что предложить в многополярном мире, стоит прежде всего усилить спрос.

Хенрик Майхак
Найроби

Хенрик Майхак (Henrik Maihak) – руководитель отдела по работе со странами Африки в Фонде им. Фридриха Эберта. Ранее он руководил проектами Фонда в Кении, Южном Судане, Руанде и Бангладеш.